

выработать общий разумный подход к разрешению конфликтной ситуации в ЮКМ.

Таковой, в сущности, и является генеральная линия российской дипломатии в регионе, проложенная с момента первого саммита Россия—АСЕАН в Куала-Лумпуре в 2005 г. с участием президента РФ В.В. Путина и продолжающаяся на новом сроке его президентства. Ответственная и тщательно выверенная позиция России по спорным территориальным проблемам в регионе не имеет разумной альтернативы и встречает понимание всех участвующих в этом споре стран.

Примечания

¹ URL: www.mid.ru. 28.10.2010

² URL: www.mid.ru. 05.04.2012.

³ Statistical Yearbook of Vietnam 2011. Hanoi, 2012. P. 168, 176.

⁴ Statistical Yearbook of Vietnam 2011. P. 223, 227.

⁵ Только уставной капитал СП превышает 1,5 млрд долл., а вместе с текущими инвестициями вклад российской стороны составляет, по оценкам, 1 млрд долл., что минимум вдвое увеличивает упомянутый объем российских ПИИ в СРВ. Однако эта сумма не учитывается в статистике ПИИ, размещенных в СРВ, т.к. оформлена в рамках прямого межправительственного соглашения.

⁶ Коммерсантъ. № 128/П (4913). 16.07.2012.

⁷ Ведомости. 05.04.2012.

⁸ Will Russia's return to Cam Ranh Bay deepen rift within ASEAN? // People's Daily Online. August 01, 2012.

⁹ URL: www.Vietnamnet.vn. 30.07.2012.

¹⁰ Ibid.

¹¹ URL: www.mid.ru. 17.07.2009.

¹² URL: www.Kremlin.ru. 29.10.2010.

¹³ URL: www.mid.ru. 13.04.2012.

¹⁴ URL: www.mid.ru. 07.05.2012.

Г.Ф. Мурашева

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПОЗИЦИЮ КИТАЯ ПО ЮЖНО-КИТАЙСКОМУ МОРЕ

Политика Китая в Юго-Восточной Азии и Южно-Китайском море (ЮКМ), как ее части, является предметом внимательного изучения.

В XX веке эта политика коренным образом изменилась вместе с изменившимся миром. Известно, что в годы правления Мао Цзэдуна, особенно в 1960—70-е гг., Китай поддерживал революционные движения в странах ЮВА и делал это весьма избирательно. Особенностью китайской внешней политики тех лет было то, что, поддерживая повстанцев, в некоторых странах ЮВА, Китай продолжал сохранять нормальные межгосударственные отношения с теми из них, против которых вел подрывную работу, из-за чего исследователи называли внешнюю политику Пекина тех лет дихотомной¹.

Какая историческая память, какой «генетический код», какие традиции питали такую политику нового Китая? Историческая память как фактор китайской внешней политики на том этапе едва ли играла важную роль, теснимая обстоятельствами принципиально новой международной обстановки. Скорее политика Пекина определялась тем, как в тот момент понимала национальные интересы правящая элита Китая. Отметим то, что именно в эти годы в регионе ЮВА сложилось понятие «ки-

тайская угроза», не помешавшее Вашингтону пойти на открытое сближение с КНР, зафиксированное в известном Шанхайском коммюнике 1972 года.

Учитывая разное отношение разных стран ЮВА в разное время к Китаю и неодинаковое отношение самого Китая к этим странам, считаем неверным давать унифицированные категориальные характеристики этим отношениям. Тем более неправомерно искать в древних временах ответы на те или иные или внешнеполитические акции современного Китая в ЮВА, ссылаясь на историческую память народа.

Тем не менее, в наши дни в связи с возрастанием роли Китая в мировой политике, ученые, обращаясь к тезису об экспансионизме Китая, объясняют его, среди прочих факторов, генетическим представлением о других странах и народах региона как «варварской периферии», которую необходимо подчинить. В частности, отмечается, что «в китайском самосознании непрерывно сохраняются идущие из глубины веков представления о том, что вся ЮВА есть вассальное по отношению к Китаю сообщество государств, где только Китай и может доминировать»².

Не оспаривая самой мысли об очевидном стремлении современного Китая расширить и утвердить свое влияние в ЮВА и Южно-Китайском море (ЮКМ), мы не воспринимаем трактовку сложившегося в древности представления об этом месте проживания подвассальных Китаю народов в качестве чуть ли не главного побудительного мотива самоутверждения современного Китая в ЮВА. Не согласимся, что оно якобы и стало тем «кодом», который диктует Китаю путь продвижения на Юг с целью их подчинения. Если этот мотив и присутствует как элемент исторической памяти в политике Китая в ЮВА и ЮКМ, сегодня, едва ли он имеет сколько-нибудь самостоятельную роль, уступая место другим, более значимым и актуальным моментам.

Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенным является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического и геостратегического положения страны в соответствие с ее феноменальным экономическим ростом и возрастающей во-

енной мощью, включая серьезное увеличение военно-морской составляющей. Такая стратегия сама по себе выступает результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю современная международная обстановка, с ее острой борьбой за передел мира. Она подразумевает расширение сфер влияния (в том числе и в мировом океане) формирующейся сверхдержавы. ЮКМ в этой стратегии отводится особая роль: «Страна, контролирующая Южно-Китайское море, станет главной морской державой в Восточной Азии» — считают эксперты по региону³.

В последние годы Азиатско-Тихоокеанский регион становится местом противостояния Китая и США, куда США «возвращаются» с традиционной репутацией доминирующей державы в Тихом Океане и где сталкиваются национальные интересы этих двух держав. В Южно-Китайском море, как части АТР, противостояние Китая и США особенно очевидно: США пытаются выступить в роли лидирующей силы, которая сдерживала бы возрастающее самоутверждение Китая, оказывая разного направления поддержку странам, имеющим с Китаем в ЮКМ значительный «конфликтный» потенциал (Вьетнам, Филиппины). В интересах США также сделать напряженными отношения Китая и АСЕАН в целом, где как они надеются, не преодолен стереотип «китайской угрозы» прошлых лет.

Президент Обама, выступая на Восточноазиатском саммите (Бали) в 2011 г., с одной стороны, говорил о растущем присутствии США в АТР, а с другой, подчеркивал центральную роль АСЕАН в региональных делах. Эксперты связали умение США устанавливать тесные отношения в сфере безопасности с ключевыми странами региона, учитывая их озабоченности относительно будущих намерений Китая, с новой концепцией Вашингтона под названием «умная сила»⁴. Как заявила госсекретарь Х. Клинтон, выступая в Пномпене в июле 2012 г., Вашингтон не намерен принимать чью-либо сторону в территориальных спорах в ЮКМ и «заинтересован в свободе навигации, сохранении мира и стабильности, уважении международного законодательства, развитии беспрепятственной законной торговли в ЮКМ»⁵.

Это может означать начавшееся смягчение позиции США в отношении Пекина. Госсекретарь Х. Клинтон, в частности, признала, что территориальные споры должны решаться самими участниками, «насколько это возможно». Она призвала к продолжению работы над «Кодексом поведения в ЮКМ» во избежание споров и конфронтации⁶. Китай же, по ее оценке, сопротивляется внешнему вмешательству в дела ЮКМ и не проявляет стремления «ускорить» разработку юридически обязывающего «Кодекса», предпочитая иметь дело с «Декларацией».

Американскую позицию дополнительно артикулировал помощник госсекретаря США по вопросам АТР Курт Кэмпбелл. Еще до начала 19-й министерской встречи АСЕАН в Пномпене, в которой приняли участие американская и китайская делегации, он заявил, что США прилагают большие усилия для создания эффективных, стабильных, долгосрочных отношений с Китаем и не намерены разворачивать опасную стратегическую конкуренцию с ним. Хотя между США и Китаем существуют разногласия и в некоторых областях конкуренция между странами неизбежна, отметил Кэмпбелл, Вашингтон готов совместно с Китаем прилагать усилия для содействия миру и процветанию в Юго-Восточной Азии⁷.

Таким образом, помимо мер, предпринимаемых Китаем для самоутверждения в ЮВА и ЮКМ, среди «благоприятствующих» обстоятельств есть, как ни странно, китайская политика самих США в регионе, которая в некотором смысле имеет свои ограничители. США при всей их военно-морской мощи и союзнических отношениях с рядом стран ЮВА, не готовы к конфронтации, тем более вооруженной с Китаем в ЮКМ, поэтому в отношениях с Пекином пытаются не выходить из формата партнерства. Соперничество же в ЮКМ и зоне АСЕАН порой принимает «скрытые» формы.

Действительно, отношение США к Китаю за последние десятилетия претерпело значительную эволюцию. По оценке американских экспертов М. Абрамович и С. Босворт, это отношение резко изменилось после 11 сентября 2001 г., когда Китай из стратегического соперника стал превращаться в партнера по

обеспечению безопасности и главного торгового и инвестиционного партнера США⁸.

Переплетение признаков сотрудничества в американо-китайских отношениях с элементами соперничества в АТР и ЮКМ можно увидеть в инициированном США крупном экономическом проекте под названием Транстихоокеанское (стратегическое) партнерство — (ТРП). Вашингтон рассматривает данный проект как геополитический инструмент сдерживания соперника и всячески способствуют отсутствию Китая в ТРП. По этому поводу сингапурская пресса писала: «Китай играет слишком важную роль, чтобы можно было его игнорировать, и он очень большой, чтобы поддаться сдерживанию... Сдерживание или игнорирование Китая неразумно и нереалистично. Поэтому его нужно привлечь в ТРП как можно скорее»⁹.

Китай в противостоянии с США в ЮКМ выступает как современная крупная держава, действующая адекватно вызовам времени в борьбе за собственные национальные интересы. В ЮКМ Китай не идет на прямую конфронтацию с США, но ведет с ними в соревнование за влияние на страны АСЕАН, через которое надеется укрепить свои позиции в регионе. Поэтому асеановское направление китайской стратегии, важное само по себе, имеет выраженную антиамериканскую компоненту, обусловленную ролью, которую, повторим, США определили для себя — главного соперника Китая в ЮКМ и регионе в целом.

В то же время китайская сторона выражает готовность к конструктивному сотрудничеству с США, полагая, что такой поворот не нанесет ущерба национальным интересам КНР. Например, «Жэньминь жибао», озвучивая официальный подход к проблеме, заявила: «АТР — это регион, где интересы Китая и США переплетаются в наибольшей степени, и взаимодействие между ними осуществляется чаще всего». Замминистра иностранных дел КНР Цуй Тянькай, выступая 5 июля 2012 г. в Азиатском обществе Сянгана с речью на тему «Положительное взаимодействие Китая и США в АТР», отметил, что «построение Китаем и США отношений нового типа неизбежно лежит через регион, для развития и стабильности которого политика

двух стран имеет большое значение». Китайский дипломат подчеркнул, что Китай и США должны вместе прилагать усилия к поиску нового пути взаимовыгодного сотрудничества. По его словам, стороны уже достигли важного консенсуса по способу сосуществования в АТР, закрепив согласие в китайско-американском совместном заявлении во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г. Две страны должны предельно минимизировать имеющиеся расхождения и взять их под контроль, — считает китайский дипломат¹⁰.

Интересно отношение к данному подходу прямо заинтересованной вьетнамской стороной. Так, один из ведущих экспертов Дипломатической академии СРВ Чинь Динь Ле рассматривает США и Китай не просто как две соперничающие в АТР силы, но две державы, которые обязаны стать партнерами в решении общих для региона вопросов. Это такие вопросы, как управление водными ресурсами (проект Меконг), противостояние климатическим изменениям, защита экологии и др.¹¹. Возможно, опасаясь кондоминиума двух сверхдержав, Ханой призывает США и Китай проявлять в своей политике «меру, чтобы малые страны не обратились к другим игрокам региона, например, Индии с ее доктриной «Взгляд на Восток». «Эра силового соперничества закончена. Наступило время справедливых и взаимовыгодных союзов, а не навязанных форм зависимости,¹² — подытоживает вьетнамский дипломат.

Содержание китайско-американских отношений как отношений партнеров — соперников с преобладанием соперничества над партнерством в глобальном измерении демонстрирует такой феномен, как Пекинский и Вашингтонский консенсусы.

В контексте экономической экспансии и стратегии Китая по вовлечению азиатских стран независимо от их политической системы в экономическую орбиту Китая актуальным становится «соревнование» этих двух программ. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад в ходе визита в Москву в марте 2011 г. высказал мнение, что в наши дни, благодаря умению китайцев содействовать успешному экономическому развитию партнеров, Пекинский консенсус идет на смену Вашингтонскому и может (при определенных условиях) оказаться гораздо эф-

фективнее его, тем более что для растущих экономик рынки ЕС и США не кажутся столь же привлекательными, как раньше¹³.

Вашингтонский консенсус, как известно, представляет либерально-монетаристскую модель социально-экономического преобразования общества, которая в наши дни переживает острейший кризис, поскольку полностью исчерпала себя. Она подвергается критике со стороны видных экономистов за то, что, тем не менее, продолжает навязываться другим странам в качестве нормы и эталона для развития по либеральному пути.

Китай же подает пример эффективного участия государства в обеспечении экономического роста, контроля над рыночной стихией, и в этом коренное отличие его подхода от пропагандируемого Вашингтоном.

Серьезность вызова, который бросает Западу «Пекинский консенсус» подтверждает внимание к нему западных экономистов и политологов. Они видят в нем концепцию развития, способную при определенных условиях приобрести глобальное распространение. О Пекинском консенсусе, как феномене мировой экономики, писали автор этого термина Джошуа Купер Рамо, его оппонент и изобретатель термина «Вашингтонский консенсус», апологет либеральных ценностей Джон Вилльямсон и многие другие¹⁴. Шаткость позиций критиков «Пекинского консенсуса» на фоне нынешнего масштабного кризиса либерального проекта представляется очевидной.

В одной из недавних работ Дж. Виллиамсон, в частности, пишет: «В то время как Запад еще не уяснил для себя масштаб вызова, который идет от Китая и Пекинского консенсуса, я утверждаю, что этот консенсус едва ли будет доминировать в долгосрочной перспективе. Для этого есть две причины: первая — то, что он, представляя китайский опыт, предпочитает содержание огромного госсектора либерализации экономики. Вторая состоит в том, что если авторитаризм может подходить для местных правителей, то для большинства людей развивающегося мира он представляет Китай в плохом свете»¹⁵. Однако, вопреки мнению Вилльямсона, некоторые страны ЮВА с теми или иными признаками авторитарности в этих условиях развиваются относительно устойчиво.

Не менее важны и **другие важные факторы**, влияющие на политику КНР в Южно-Китайском море. Например, немаловажное значение в определении ее линии поведения в ЮКМ имеет такая традиционная для китайской внешнеполитической культуры черта, как ирредентизм. Пекин полон решимости со временем вернуть под свой суверенитет Тайвань, который уже сегодня большинство стран признают неотделимой частью материкового Китая и в своих отношениях с ним официально отказываются от так называемой «концепции двух Китаев». С геостратегической точки зрения ЮКМ является пространством, обеспечивающим выход КНР через Малаккский пролив в Индийский океан, а через Тайваньский пролив — в Тихий. Такой подход в первую очередь имеет в виду контроль над морскими путями и возможность блокирования союзных с Тайванем сил, по преимуществу США, готовых оказать необходимую поддержку Тайбэю.

Широко известны иные характеристики Южно-Китайского моря, которые делают его жизненно важным для Китая и соседних стран с геостратегической, торгово-экономической и других точек зрения. В частности, Китай видит в ЮКМ источник добычи углеводородов с тем, чтобы диверсифицировать энергопоставки и снизить свою зависимость от импорта энергоносителей¹⁶.

Документы, принятые такими ведущими государственными структурами КНР, как Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) в марте 2012 г., Всекитайский комитет Народного политического консультативного Совета Китая (ВК НПКСК), свидетельствуют о том, что в китайской правящей элите сложился консенсус относительно защиты и расширения «морских интересов страны»¹⁷. В то же время руководство КНР считает приоритетом внешней политики Китая улучшение отношений с соседями по региону.

Получается, что курс КНР в ЮКМ в настоящее время можно рассматривать как слагаемое двух взаимосвязанных направлений — защита «неоспоримого суверенитета» над территориями и водным пространством ЮКМ и одновременно обеспечение лояльного отношения соседей, включая соперников в

вопросе о суверенитете в ЮКМ. Очевидно, что одновременное проведение в жизнь этих двух направлений — чрезвычайно трудная задача. Она тем более сложна, так как внутри китайской элиты, особенно ее военного сегмента, все чаще звучат голоса об ужесточении морской политики, чтобы уже к 2020 г. превратить Китай в сильную морскую державу¹⁸.

Все вышесказанное напрямую подводит нас к вопросу об отношении правящей элиты КНР к проблемам ЮВА и ЮКМ.

Дэн Сяопин выработал такую политику: «Суверенитет наш, отложить споры, проводить совместное развитие», и современное китайское руководство продолжает эту линию¹⁹. На самом высоком уровне оно не раз заявляло о своей готовности вести совместную эксплуатацию ресурсов Южно-Китайского моря, но при условии признания суверенитета Китая над «спорными» островами. Здесь находит отражение концепция «мягкой и твердой силы», которую Китай применяет в своей политике в регионе.²⁰

В период восточноазиатского кризиса 1997—1998 гг. Китай буквально спас регион от катастрофы, проводя умную финансовую политику, чем заслужил репутацию «конструктивного партнера» в глазах соседей. В 2002 г. он подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (DOC), а в октябре 2003 г. — Совместную декларацию о Стратегическом партнерстве во имя мира и процветания. В том же году Пекин присоединился к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (ТАС). В 2010 г. начало действовать подписанное ранее Соглашение о зоне свободной торговли между КНР и АСЕАН (CAFTA).

В этом смысле политику «мягкой силы» следует рассматривать как преобладающую, хотя примеров применения «твердой силы» по отношению к тем же Филиппинам и Вьетнаму, несмотря на оказываемое им американское покровительство, тоже немало. О предпочтении первой говорилось, в частности, в речи Ху Цзиньтао на экономическом форуме в Боао (О. Хайнань) в апреле 2011 г., в которой сделан акцент на «общности трудобивых и мудрых народов Азии». Он подчеркнул, что КНР, хотя и стала второй экономикой мира, по-прежнему остается разви-

вающейся страной, а потому — как никто другой — понимает нужды и чаяние развивающегося мира. Ху Цзиньтао, пообещав выстраивать со всеми равноправные отношения, помогать дешевыми китайскими кредитами и крупными инвестициями, а заодно решать территориальные проблемы с соседями исключительно мирным путем²¹.

Из выступлений Ху Цзиньтао и Ян Цзечи можно было понять, что в Китае не считают морские территориальные проблемы главными во взаимоотношениях со странами АСЕАН, а готовы подчинить их более важным с точки зрения Пекина аспектам двустороннего стратегического партнерства, включая тесное торгово-экономическое сотрудничество. Международные эксперты видят в этом большую выгоду для всех стран всего азиатского региона, которые могут выстроить инфраструктуру и смежные производства вокруг «китайского чуда»²².

Страны АСЕАН, сравнивая роль китайского и американского факторов в ЮВА и приветствуя возвращение США в регион, возможно, не совсем уверены в долгосрочности американских обязательств, учитывая финансовые и другие проблемы США. Это не может не способствовать их позитивному восприятию Китая в регионе, как считает главный редактор сингапурского журнала «Современная Юго-Восточная Азия» Ян Стори²³.

Китай в своей политике в отношении АСЕАН, ставя целью утвердить себя в качестве надежного партнера, старается поддерживать и развивать особо дружественные отношения со странами, которые составляют стратегическую основу АСЕАН — Сингапуром, Малайзией, Индонезией. В духе «заинтересованности» Китая в АСЕАН прошли официальные визиты министра иностранных дел КНР Ян Цзечи 9—13 августа 2012 г. в Индонезию, Бруней и Малайзию, где обсуждались и проблемы Южно-Китайского моря. Китайская сторона, как и на прежних встречах, вела речь о «всецелом и эффективном претворении в жизнь «Декларации действий сторон в Южно-Китайском море», но не говорила о необходимости юридически обязывающего «кодекса».

При этом руководитель МИД КНР подчеркнул, что Китай обладает достаточными историческими и правовыми основа-

ниями, чтобы отстаивать свой суверенитет над островами Наньша и прилегающей к ним морской акваторией. Он подтвердил необходимость прямых переговоров вовлеченных в спор сторон, что является «важным принципом и духом «декларации» (DOC), консенсусом стран, подписавших этот документ». «Мы против того, чтобы вопрос Южно-Китайского моря становился международным или региональным», — отметил Ян Цзечи.

Повышенное внимание Китай уделяет развитию стратегического сотрудничества с Малайзией как одним из важных членов АСЕАН и крупнейшим торговым партнером Китая в составе АСЕАН в последние 4 года²⁴. Она отвечает взаимностью. В ходе встречи глав МИД в рамках Регионального Форума АСЕАН (ARF) 10 июля 2012 г. мининдел Малайзии Анифак Аман говорил о надежности КНР как партнера Малайзии, подчеркнув, что развитие и могущество Китая благоприятствует Малайзии²⁵. Содержание этой встречи свидетельствует о том, что Китаю удастся найти взаимопонимание с рядом стран АСЕАН, в том числе среди участников спора за острова, в выстраивании приоритетности проблем их взаимоотношений. Китаю ведет дело так, что морские вопросы при всей их важности не мешают главному — тому, что способствует взаимовыгодному развитию Китая и его соседей из АСЕАН.

Традиционно хорошие отношения сложились у Китая с Таиландом, с которым у Китая нет пограничных проблем ни на суше, ни на море. В апреле 2012 г. в ходе визита в Китай премьер-министра королевства Йинглак Чинават стороны повысили уровень двусторонних отношений до всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства. Был утвержден рассчитанный на следующие пять лет план совместных действий по реализации этой договоренности, в частности, принято решение об укреплении сотрудничества в четырех важных сферах: строительства скоростных железных дорог, развития водного хозяйства, разработки чистых энергоносителей и подъема образования. Все это открыло новое пространство для китайско-тайских отношений. В результате усилий обеих сторон в 2011 г. Таиланд стал вторым по величине торговым партнером Китая среди стран АСЕАН²⁶.

В июне 2012 г. Китай выступил с еще одной важной инициативой, нацеленной на укрепление сотрудничества с АСЕАН. На проходившем в Пекине экономическом форуме дипломатов посол Китая в АСЕАН Тун Сяолин заявила, что китайская сторона намерена расширять взаимосвязи с АСЕАН на пяти крупных направлениях, включая стратегические контакты на высоком и рядовом уровнях, практическое сотрудничество в духе взаимной выгоды на море, в других сферах, особенно социальные и гуманитарные обмены, с тем чтобы наполнить реальным содержанием двустороннее стратегическое партнерство.

При этом, как подчеркнула посол, Китай готов продолжать усилия по претворению в жизнь Декларации действий сторон в Южно-Китайском море (DOC), совместно со странами АСЕАН обсуждать нормы действий в районе Южно-Китайского моря, продвигать практическое сотрудничество в области научных исследований и охраны окружающей среды на море, безопасности судоходства и проведения спасательных операций, борьбы с транснациональной преступностью на море, морской экономики и аквакультуры, сообща защищать мир и стабильность в Южно-Китайском море, чтобы сделать его морем мира, дружбы и сотрудничества. Тун Сяолин обещала совмещать расширение взаимосвязей с АСЕАН на море, суше и в воздухе, заявив об учреждении китайской стороной фонда морского сотрудничества Китай—АСЕАН в размере 3 млрд юаней в целях формирования его многоуровневой и многосекторной архитектуры.

Было также заявлено, что КНР в рамках практической реализации второй 5-летней программы действий по развитию стратегического партнерства с АСЕАН намерена довести двусторонний товарооборот до 500 млрд долл. и обмен персоналом до 15 млн человек, выполнить другие конкретные цели. Китайская сторона выразила готовность расширять сотрудничество с АСЕАН в использовании новых и высоких технологиях, возобновляемых источниках энергии, экономике так, чтобы двустороннее сотрудничество благоприятствовало строительству Сообщества АСЕАН, послужило устойчивому развитию Китая и стран АСЕАН и пошло на благо народам²⁷.

Из приведенного заявления китайского посла в АСЕАН ясно, что Китай по-прежнему предпочитает формат двусторонних встреч для урегулирования «морских вопросов». При этом он старается «утопить» их в массе других дел, в которых Китай объективно сильнее своих партнеров и — более того — может быть им полезен, в частности, в такой важной сфере, как строительство Сообщества АСЕАН.

Китай при этом использует неодинаковость подхода стран АСЕАН к «морским вопросам» и предмету спора в ЮКМ, их полную неготовность, в том числе претендентов на островные территории в ЮКМ, действовать сообща. Не на пользу АСЕАН и то обстоятельство, что ее участники спорят по морским вопросам между собой. Отсутствие единой позиции по ЮКМ внутри Ассоциации подтвердила встреча в верхах на Бали в ноябре 2011 г., в частности, безуспешные попытки Филиппин добиться общего подхода стран АСЕАН в территориальном споре с Китаем. На этот раз желанию Филиппин собрать воедино против Китая всех претендентов на суверенитет над островными территориями воспротивилась Малайзия. Малайзийский министр иностранных дел в интервью АРР признал «более конструктивным» проведение конференций и применение Декларацией поведения стран в ЮКМ, несмотря на то, что «критики называют ее беззубой и не имеющей юридической силы»²⁸.

Уже упомянутый Ян Стори в статье «АСЕАН — разделенный дом» пишет о невозможности объединенного ответа на претензии Пекина в ЮКМ. Особенно выразительным он назвал отсутствие какой-либо реакции АСЕАН на обострение противостояния Филиппин и Китая вокруг отмели Скарборо, начавшегося 10 апреля 2012 г. АСЕАН не только не оказала поддержки Филиппинам, но вообще обошла молчанием один из самых острых региональных споров с середины 1990-х годов. Полное отсутствие сплоченности и пассивность стран АСЕАН в ситуации в ЮКМ Ян Стори объясняет различием их национальных интересов, включая разное представление о ценности отношений с Китаем²⁹.

Противоречивость позиций членов АСЕАН по ЮКМ просматривается и в других региональных СМИ. Так, в январе

2013 г. тайский официоз «Бангкок пост» призвал к объединению стран АСЕАН против Китая по территориальному вопросу. Китай охарактеризован газетой как «главный двигатель экономического чуда в ЮВА, но и одна из самых серьезных угроз для региона»³⁰. Индонезийская Jakarta Globe, наоборот, утверждая, что «единый фронт АСЕАН по ЮКМ не поможет никому и особенно Индонезии», указала на границы «уступчивости» Китая, который уже пошел на компромисс, определив свою позицию формулой «отложить спор и приступить к совместному развитию». Дальнейшие его уступки невозможны, считает газета, ибо могут вызвать возмущение внутри страны³¹.

В целом, в своей стратегии укрепления позиций в ЮКМ, Китай, как представляется, все же предпочитает мягкие формы взаимодействия с АСЕАН, избегая излишне прибегать к жестким мерам, не желая портить сложившийся в глазах некоторых стран АСЕАН свой образ надежного и перспективного партнера. Например, министр иностранных дел Ян Цзечи именно в ходе 19-й сессии АРФ в апреле 2012 г. подчеркнул, что, учитывая сложность проблемы ЮКМ, китайская сторона неизменно предлагает «отложить» споры и осуществлять совместное освоение». Министр призвал к сохранению всеми сторонами сдержанности в духе Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, недопущению действий, способствующих расширению и усложнению споров и негативно влияющих на мир и стабильность. По его мнению, такое поведение имело бы ключевое значение для решения проблем ЮКМ³².

Успех политики «мягкой силы» Китая отражает работа 45-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН и других заседаний с участием партнеров по диалогу в Пномпене в июле 2012 г. Отсутствие упоминаний «морских проблем» ЮКМ позволяет сделать вывод, что они не были причислены к разряду первоочередных для АСЕАН³³. Хун Сен говорил о проблемах продовольственной и энергетической безопасности, климатических изменениях, стихийных бедствиях, транснациональной преступности и терроризме, которые в комплексе представляют угрозу для устойчивого социально-экономического развития и создания к 2015 г. сообщества АСЕАН. В решении своих дейст-

вительно острых проблем Ассоциация рассчитывает на поддержку Китая, как он уже неоднократно делал. Это подтвердил мининдел Китая Ян Цзечи, который в рамках встречи Китай-АСЕАН заявил, что китайская сторона намерена в соответствии с потребностями строительства Сообщества АСЕАН «модифицировать центр тяжести в сотрудничестве между Китаем и Ассоциацией, чтобы двустороннее сотрудничество содействовало строительству Сообщества АСЕАН»³⁴.

Не однажды заявленное китайской стороной намерение участвовать в построении Сообщества АСЕАН мы понимаем как добровольное желание Китая взять на себя часть ответственности за успешное завершение этого регионального проекта. Таким поведением Китай, даже на фоне острой ситуации в ЮКМ, стремится улучшить свой образ в глазах если не всех, то части стран АСЕАН. США подобных обязательств на себя не брали.

20 июля 2012 г. на пресс-конференции в Пномпене глава МИД Камбоджи Хор Намхонг обнародовал следующие шесть принципов поведения причастных сторон в ЮКМ, утвержденных министрами иностранных дел стран АСЕАН:

- 1) полностью претворять в жизнь «Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море» и соответствующие заявления;
- 2) реализовать последующие меры, принятые на основе «Декларации о действиях сторон в Южно-Китайском море»;
- 3) как можно скорее установить строгие правила поведения в Южно-Китайском море;
- 4) строго соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву;
- 5) продолжать стремиться к проявлению сдержанности и выступать за отказ от применения силы;
- 6) продолжать стремиться к урегулированию споров на основе общепризнанных принципов и норм международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву.

Министры иностранных дел стран-членов АСЕАН выразили намерение проводить консультации по вопросам реализации упомянутых принципов, основываясь на Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Уставе АСЕАН³⁵. Из

содержания этого заявления следует, что основополагающим документом, «регулирующим» проблемы ЮКМ, остается Декларация действий сторон в ЮКМ. Это в полной мере соответствует интересам Китая.

«Жэньминь жибао», комментируя предложение ряда стран начать обсуждение «Кодекса поведения в Южно-Китайском море», выразила готовность тщательно рассмотреть данное предложение, чтобы, когда созреют условия, начать соответствующее обсуждение»³⁶. Приведенный текст, в первую очередь, означает, что Китай чувствует себя полным хозяином положения и будет, скорее всего, самостоятельно определять то время, когда «созреют условия».

Всеми этими маневрами Китай добился того, что из-за отсутствия согласованной позиции по ЮКМ страны АСЕАН не смогли опубликовать заключительного коммюнике — впервые за почти полувековую историю Ассоциации (1967—2012).

На недостаток единства действий участников территориальных споров в ЮКМ и оснований для решения этой проблемы указывают и зарубежные, в том числе западные эксперты. Например, Роберт Бекман по поводу китайско-филиппинского спора вокруг отмели Скарборо тоже высказался в пользу сотрудничества в ЮКМ как способа уйти от риска конфронтации. Автор, ссылаясь на существующее морское право, утверждает, что факт нахождения рифа в границах 200-мильной исключительной экономической зоны Филиппин не дает Филиппинам права на суверенитет над этой морской территорией. Согласно морскому праву также не имеет значения, что риф находится внутри пространства, обозначенного Китаем «девятью точками» на его знаменитой карте «суверенитета» в ЮКМ. Все варианты потенциальных договоренностей, включая китайскую формулу «отложить спор о суверенитете и заняться совместно эксплуатацией водного пространства», подразумевают признание обеими сторонами вопроса о суверенитете спорным. Китай же не согласен признавать вопрос о суверенитете спорным, и это делает предлагаемую им формулу не действующей, а вопрос о суверенитете не решаемым в рамках существующего морского права³⁷.

Специалисты по международному морскому праву Алан Чонг и Эмрис Чью предлагают оставить ситуацию в ЮКМ в состоянии статус-кво, объясняя свою позицию, как и предыдущий автор, невозможностью решить территориальный спор в рамках существующего международного права. «Пекин, Манила и остальные четыре претендента на острова в ЮКМ должны примирить свои истории, историческую память, которые питают их национализм в виде борьбы за территориальный суверенитет, с неформальной практикой, сложившейся в ЮКМ», — пишут ученые. Они считают, что состояние неопределенности, свойственное азиатской дипломатии, — это и есть альтернативный, «спасающий лицо» выход для всех сторон из запутанной ситуации, которую нельзя решить правовым путем. Обоснование такого подхода, по их мнению, можно найти в принципах «асановского пути»³⁸.

Продолжение «двусмысленного амбивалентного статус-кво» в ЮКМ, которое может включать совместную эксплуатацию ресурсов без акцентирования вопроса о суверенитете над «спорными» территориями, как один из вариантов подхода конфликтующих сторон, рассматривает и цитированный выше Кристофер Фриз³⁹.

Из вышесказанного нами сделаны *следующие выводы* относительно китайской политики в ЮВА и ЮКМ в частности.

Правящая элита Китая способна адекватно отвечать на вызовы и решать задачи, которые ставит время. В своей политике в ЮВА и ЮКМ современное руководство КНР опирается на опыт непосредственных предшественников (Дэн Сяопин), развивая и приспособливая его к новым международным реалиям. Используя инструментарий «мягкой и твердой силы», Пекин в отношениях с соседями по региону и участниками спора из-за суверенитета над островными территориями ЮКМ отдает приоритет «мягкой силе».

Китай пытается вовлечь соседей по ЮКМ в свою экономическую орбиту, сделать торгово-экономическое «стратегическое» сотрудничество приоритетом двусторонних отношений, предлагая оставить решение территориальных морских вопросов на потом — следующим поколениям. С этим, как формой

непризнания их прав на острова в ЮКМ, не согласны непосредственными оппонентами КНР — ее соседи. Между ними и другими членами АСЕАН не удается достичь согласия и совместных антикитайских действий, что серьезно сдерживает урегулирование конфликта.

В противостоянии с США в ЮКМ и — шире — в ЮВА Китай не идет на конфронтацию, предпочитая оставаться в рамках партнерства, но и не отказывается от стратегии усиления своих позиций в регионе. Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенным является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического положения страны в соответствие с ее быстрым экономическим ростом и все возрастающей военной мощью, включая увеличение ее военно-морской составляющей.

Такая стратегия, будучи результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю меняющаяся международная обстановка, подразумевает расширение сфер влияния формирующейся сверхдержавы. Южно-Китайскому морю в этой стратегии отводится особая роль: как считают эксперты по региону, страна, контролирующая ЮКМ, станет главной морской державой в Восточной Азии.

Политика КНР в отношении стран ЮВА, ее позиция по ЮКМ, где китайцы отстаивают свои национальные интересы и «неоспоримый» суверенитет над островными территориями и водными пространствами — это Пекинский консенсус в действии, так как одним из важных смыслов Пекинского консенсуса является защита государственных границ. Время покажет, насколько состоятельна эта компонента Пекинского консенсуса.

Примечания

¹ Taylor, Jay. China and Southeast Asia. Peking's Relations with Revolutionary Movements. N.Y.-Wash.-L, 1976. P. VII, XII.

² См.: Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития / Юго-Восточная Азия 2010—2011 гг. Выпуск XVII. М., 2011. С. 9, 10.

³ Beukel, Erik. China and the South China Sea: Two Faces of Power in the Rising China's Neighborhood Policy. Working Paper 2010: 07. Copenhagen. P. 9.

⁴ Freise, Christopher. By Invitation, Mostly: the International Politics of the US Security Presence. China and the South China Sea RSIS Working Paper № 247, August 28, 2012.

⁵ Голос Америки. 12.07.2012.

⁶ Там же.

⁷ Международное Радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/06/28/1s433013.htm>.

⁸ Abramowitz, Morton and Bosworth, Stephen. Adjusting to the New Asia // Foreign Affairs. July-August 2003. P. 125.

⁹ The Straits Times, December 21, 2011.

¹⁰ Жэньминь жибао. 06.07.2012.

¹¹ Trinh Dinh Le and Cleo, Paskal. Making elephants lighter on their feet // The World Today. April-May 2012. P. 21. Чинь Динь Ле — зам. директора Института внешней политики и стратегических исследований Дипломатической академии СРВ.

¹² Там же.

¹³ РИА-Новости, март 2011 г.

¹⁴ Ramo, Joshua Cooper. The Beijing Consensus. London, Foreign Policy Centre, 2004; Williamson, Jonh. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. № 13, January 2012; Halper, Stepan. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian model will Dominate the Twenty-first Century. New York: Basic Books, 2010.

¹⁵ Williamson, John. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. № 13. January 2012. P. 16.

¹⁶ См. Buszynski L. The South China Sea: Oil, Maritime Claims and US-China Strategic Rivalry // The Washington Quarterly. Spring 2012. P. 141.

¹⁷ Li Mingjiang. China is Rising Maritime Aspirations: Impact on Beijing's Good-Neighbors Policy. RSIS commentaries, № 053/2012. March 28, 2012.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Fravel, M.Taylor. China's strategy in the South China Sea // Contemporary Southeast Asia. № 33. December 2011. P. 312.

²⁰ Beukel, Erik. Op. cit. P. 16.

- ²¹ Коммерсант. 16.04.2011.
- ²² URL: http://expert.ru/2011/04/15/azia_stanovitsya-tsentrrom_tyazhesti.
- ²³ An Interview with Jan Story. ASEAN and South China Sea. Deepening Divisions. The National Bureau of Asian Research Policy. July 16, 2012.
- ²⁴ Жэньминь жибао. 14.08.2012.
- ²⁵ Жэньминь жибао. 11.07.2012.
- ²⁶ URL: <http://Russian.news.cn/China/2012-04/22>.
- ²⁷ URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/06/13> Агентство Синьхуа. 13.06.2012.
- ²⁸ The Straits Times. 16.11. 2011.
- ²⁹ См.: Storey Ian. ASEAN is a House Divided // Wall Street Journal. 14.06.2012.
- ³⁰ Bangkok Post. 7.01.2013.
- ³¹ Jakarta Globe. 13.06.2012.
- ³² Международное Радио Китая. 14 июля 2012.
- ³³ Международное Радио Китая. 14 июля 2012.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Жэньминь жибао. 12.07.2012.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Beckman, Robert. Scarborough shoal: Flashpoint for Confrontation or Opportunity for Cooperation? RSIS, № 072/2012. April 12, 2012. Роберт Бекман — директор Центра международного права и профессор факультета права Национального университета Сингапура.
- ³⁸ Chong, Alan and Chew, Emrys. Asian Diplomatic Ambiguity — Calming the South China Sea? RSIS Commentaries. № 078, 2012. May 3, 2012.
- ³⁹ Freise, Christopher. Op. cit. P.13.

Часть третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРВ

М.Е. Тригубенко

К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЬЕТНАМА

1. Некоторые итоги социальной политики в период системной трансформации

В процессе системной трансформации СРВ прослеживаются два этапа: первый в 1986—2000 гг., второй в 2001—2010 гг. За эти годы происходило реформирование командно-административной системы, и начался переход к рыночным отношениям. На политику Doi Moi (обновления), утвержденную на VI съезде Компартии Вьетнама в 1986 г., влияли как трудности системной трансформации, так и особые исторические условия возникновения и формирования вьетнамского государства — политическая изоляция Северного и Южного Вьетнама до освобождения, антиамериканская война, ошибки в экономической стратегии в первые годы после государственного воссоединения Севера и Юга и провозглашения СРВ. Они состояли в попытках всеобщего обобществления путем ликвидации всех форм част-